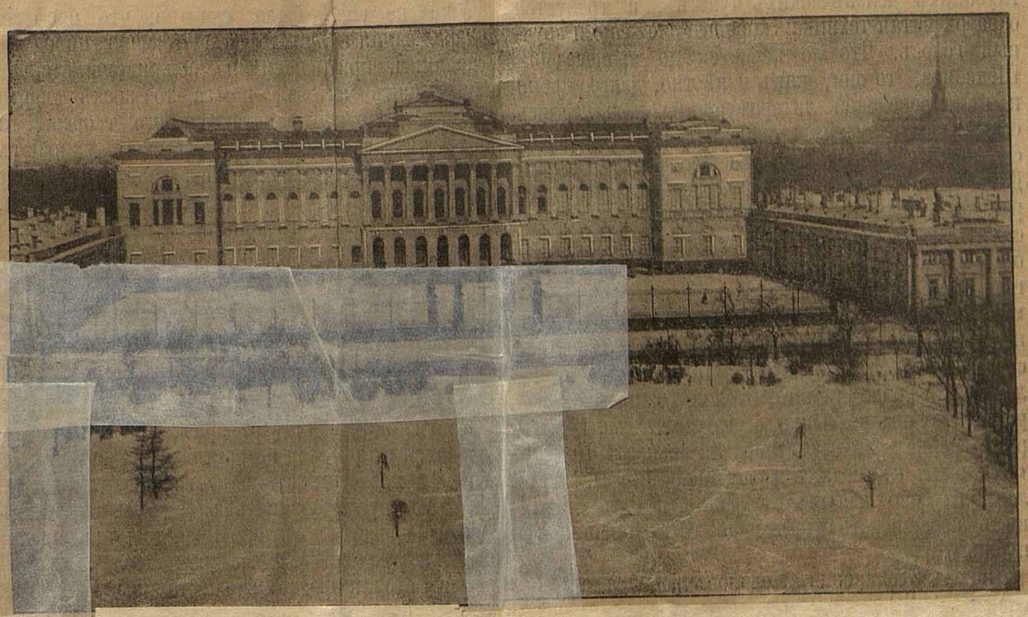
Новое Время

№ 7918 С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СУББОТА, 14-го (26-го) МАРТА 1898 ГОДА. № 7918

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ МОЧАЛОВЪ.

(По поводу пятидесятилѣтія его смерти).

Въ мірѣ драматическаго искуства имя Мочалова стоитъ высоко—знаменитый русскій трагическій актеръ обладалъ необыкновеннымъ талантомъ, какіе являются рѣдко. Сценическія средства онъ имѣлъ колосальнымъ. Бѣлинскій, восторгавшійся талантомъ этого артиста и посвятившій ему не одну серьезную статью по поводу игры его, говорилъ, что одинъ голосъ его до того былъ безподобенъ, что всѣ звуки страстей и [illegible] онъ передавалъ такъ художественно, что [illegible] были слышны и громовой рокотъ отчаянія, и порывистые крики бѣшенства и мщенія, и [illegible] шепотъ сосредоточившагося въ себѣ негодованія, шепотъ, который раздавался, бывало, по всему театру, и каждое слово доходило до слуха и сердца зрителя. Лицо его также было создано для сцены—красивое и пріятное въ спокойномъ состояніи духа, оно было измѣнчиво, подвижно—настоящее зеркало всевозможныхъ оттѣнковъ ощущеній, чувствъ и страстей. Мочаловъ владѣлъ огромнымъ запасомъ художественныхъ силъ, но къ сожалѣнію былъ актеромъ самородкомъ—большой его талантъ былъ природный, не развитый, всегда зависѣвшій отъ вдохновенія. Въ мірѣ актеровъ Мочаловъ — примѣръ очень поучительный. Онъ доказалъ собою, что одни природныя средства, какъ бы они ни были огромны, но безъ искуства и науки доставляютъ торжество только временное и часто человѣкъ ихъ лишается, именно, въ ту эпоху своей жизни, когда [illegible] слѣдовало быть въ полномъ развитіи. [illegible] никогда не удавалось выполнить свою [illegible] отъ начала до конца, но ему нерѣдко [illegible] держать зрителей подъ неотразимымъ [illegible] тѣхъ могущественныхъ и мучительно сладкихъ впечатлѣній, которыя производила на нихъ страстная, простая и въ высшей степени натуральная его игра, и здѣсь хотя проскальзывали неровности, но зритель былъ такъ наэлектризованъ, что не успѣвалъ замѣчать промаховъ. Когда [illegible]ова вспыхивало вдохновеніе, онъ выро[illegible] недосягаемо—манеры его мгновенно облагородживались, лицо и голосъ измѣнялся и со[illegible] другой человѣкъ былъ на сценѣ. Къ сожалѣнію иногда видѣли его талантъ далеко за [illegible] прекраснаго—игра его тогда была игрою бездарнаго актера, вся фигура его становилась непріятною, манеры безобразными. Чувствуя самъ, что онъ играетъ дурно, онъ выходилъ изъ себя и, желая насильно вызвать вдохновеніе, онъ кричалъ, кривлялся, ломался, хлопалъ себя руками по бедрамъ и становился еще нестерпимѣе. Извѣстный драматургъ князь Шаховской такъ опредѣлялъ талантъ Мочалова—бѣда если Мочаловъ [illegible] разсуждать, и я всегда прошу его объ одномъ, чтобы онъ не старался играть и старался не думать, что на него смотритъ публика. Это [illegible] инстинкту, ему надо выучить роль и сыграть—«попалъ, такъ выдетъ чудо, а не попалъ такъ выдетъ дрянь». Это опредѣленіе было весьма справедливо. Мочаловъ былъ человѣкъ совершенно необразованный и теоретически незнакомый съ искуствомъ, и едва ли могъ разсуждать о немъ правильно. С. З. Бураковскій въ своихъ «Очеркахъ исторіи русской сцены» говоритъ, что Мочаловъ дичился людей и никогда не любилъ быть въ обществѣ, онъ страшно конфузился, когда узнавалъ, что та или другая особа явилась смотрѣть исключительно его игру. Вотъ, между прочимъ, одинъ подобный случай. Давали комедію «Пустодомы» князя Шаховского Мочаловъ былъ безподобенъ; пріѣхалъ его смотрѣть самъ князь къ концу перваго акта. Усѣлся въ ложу такъ, чтобъ его не было видно. Игра Мочалова на этотъ разъ восхитила всѣхъ, такъ она была проста, художественна,—Шаховской бѣсновался отъ восторга и умилялся чуть не до слезъ. Когда пьеса окончилась, всѣ сидѣвшіе въ ложѣ съ княземъ отправились на сцену въ уборную Мочалова. Князь сталъ обнимать его, цѣловать и дрожащимъ голосомъ говорилъ: Тальма? Какой Тальма! Тальма въ слуги тебѣ не годится; ты былъ сегодня Богъ! Прошло нѣсколько дней. Въ Москву пріѣхалъ какой-то знатный любитель театра. Чтобы похвастать талантомъ Мочалова, Шаховской упросилъ директора поставить свою



(Бывш. Михайловскій дворецъ).

И. И. ШИШКИНЪ † 6-го марта.
(См. «Нов. Вр.» № 7914).

№ 374

комедію «Пустодомы». Причина постановки этой пьесы была скрыта отъ конфузливаго Мочалова. Не смотря на это, онъ какъ-то провѣдалъ, что пріѣзжая особа его смотритъ, и игралъ отвратительно, ломался, махалъ безъ толку руками и положительно былъ неузнаваемъ.

Періодъ наибольшей славы Мочалова относится къ тридцатымъ годамъ, когда онъ сталъ выступать въ трагедіяхъ Шекспира, одолѣть которыя могъ только геніальный артистъ. До этихъ годовъ Мочаловъ появлялся на сценѣ въ ходульныхъ пьесахъ тогдашняго переводнаго репертуара. Очень понятно, что большой талантъ актера не можетъ вполнѣ выразиться въ безсодержательныхъ пьесахъ, гдѣ нѣтъ ни идей, ни выраженія глубокихъ человѣческихъ чувствъ, а требуется одна развитая техника, хорошее сложеніе и звучный голосъ. Что же касается до произведеній Шекспира, то они, какъ извѣстно, долгое время и въ европейской литературѣ не пользовались сочувствіемъ литераторовъ, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ псевдо-классическихъ теорій. Даже самъ Вольтеръ не иначе называлъ Шекспира, какъ пьянымъ дикаремъ. Однихъ красивыхъ сценическихъ качествъ для шекспировскихъ ролей было недостаточно, требовалось имѣть вдохновенную душу, сценичный пылъ, подвижную физіономію и голосъ, способный къ выраженію различныхъ оттѣнковъ чувствъ, и вотъ этими качествами Мочаловъ и обладалъ. Торжествомъ Мочалова были роли: Гамлета, Отелло. Бѣлинскій говоритъ, что онъ особенно былъ удивительнымъ въ роли Мейнау въ извѣстной тогда пьесѣ Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Самъ Мочаловъ глубоко любилъ эту роль и игралъ съ такимъ совершенствомъ, что до слезъ прошибалъ публику.

Павелъ Степановичъ Мочаловъ родился въ Москвѣ въ 1800 г., онъ былъ сынъ извѣстнаго драматическаго московскаго актера С. Ѳ. Мочалова. Сценическое поприще знаменитаго Мочалова началось въ 1819 г., отецъ его поставилъ въ свой бенефисъ трагедію «Эдипъ въ Аѳинахъ», самъ взялъ роль Эдипа, сыну далъ роль Полиника, а дочери—Антигоны (актриса Мочалова не долго служила на сценѣ Московскаго театра; она была красавица и вскорѣ вышла замужъ за очень богатаго помѣщика; бракъ вышелъ несчастливымъ: мужъ проигралъ все свое колоссальное имѣніе и бросилъ жену; послѣдняя должна была вступить опять на сцену, она долго играла на провинціальныхъ театрахъ и умерла въ шестидесятыхъ годахъ въ Вологдѣ). Молодой Мочаловъ со дня своего дебюта былъ принятъ съ необыкновеннымъ восторгомъ московской публикой и съ той поры мало-по-малу достигъ громадной извѣстности. Талантъ Мочалова за два года до смерти сталъ замѣтно падать; въ эти годы онъ женился на дочери трактирщика, женитьба вышла неудачная онъ сталъ сильно пить; бросивъ жену, онъ повелъ безобразную, безпробудную отъ вина жизнь, которая и свела его въ могилу на сорокъ восьмомъ году—П. С. Мочаловъ умеръ 16-го марта 1848 года—смерть его истино опечалила многихъ. Щепкинъ писалъ тогда къ Шумскому: «Россія лишилась могучаго таланта! Что дѣлать, что онъ, по нашему разумѣнію, невполнѣ удовлетворялъ насъ, но мы уже не услышимъ тѣхъ потрясающихъ душу звуковъ, не увидимъ тѣхъ восторженныхъ мгновеній, которыя часто прорывались сквозь его нелѣпыя формы».

19-го марта были похороны Мочалова—гробъ до церкви несли его товарищи на рукахъ, слезы у всѣхъ были на глазахъ. Отпѣваніе происходило въ церкви св. Николая-Большой-Крестъ. Церковь была полна народу и многіе, которые хотѣли отдать послѣдній долгъ усопшему, не могли войти въ нее. По окончаніи отпѣванія Щепкинъ возложилъ на главу усопшаго лавровый вѣнокъ—приношеніе цѣнителей его таланта. Трогательна была эта минута—лавръ Тасса, лавръ Виргилія возлагался на вдохновенное чело мертвеца. Когда гробъ вынесли изъ храма, его не дали поставить на дроги, а понесли на себѣ до самой могилы. Всѣ рвались ко гробу, полотенца, на которыхъ несли, вырывали другъ у друга. Такъ велико было чувство уваженія къ великому таланту. Когда несли его мимо Университета, студенты вышли къ нему на встрѣчу. Трогательно было видѣть желаніе молодежи отдать послѣднюю дань уваженія отшедшему служителю искуства. На Ваганьковскомъ кладбищѣ зарылигробъ Мочалова въ землю.

Уже не разъ было сказано, что професія актера самая неблагодарная. Конечно ни одинъ художникъ при жизни не пожинаетъ столько овацій какъ актеръ, но за то послѣ смерти каждаго художника остаются его творенія, а послѣ актера его искуство и творенія умираютъ вмѣстѣ съ нимъ; послѣ него передается потомству одно только имя безъ художественнаго обаянія, которое окружало его при жизни. Но что такое имя? «Звукъ безъ значеніи, который бросятъ вамъ часто безъ вашей заслуги, или отнимутъ безъ вашей вины»—какъ сказалъ Шекспиръ.

МОСКОВСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ XVII ВѢКА.

Канунъ петровскихъ реформъ, XVII вѣкъ ознаменовался въ русской исторіи борьбой стараго съ новымъ, медленнымъ, но неотразимымъ вторженіемъ въ русскую жизнь западно-европейскихъ идей и новшествъ. Русскіе люди того времени замѣтно раздѣлились уже на два лагеря. Съ одной стороны стояли представители старины, хранители старинныхъ обычаевъ и вѣрованій, съ другой—люди, симпатіи которыхъ явно склонялись къ западному просвѣщенію. Правда, начало такого раздѣленія было положено еще въ XIV—XV вѣкахъ, но теперь двѣ враждебныя другъ другу партіи заняли совершенно другое положеніе. Если раньше торжествовали приверженцы старины, то теперь первенствующее мѣсто заняли новаторы, западники. Талантливо набросанныя картинки къ такому общему и давно уже установленному положенію интересующіеся могутъ найти въ вышедшемъ на-дняхъ второмъ томѣ сочиненій Н. С. Тихонравова. Здѣсь помѣщены біографія извѣстной раскольницы Морозовой, мужественно отстаивавшей православную старину, двѣ статьи о русскомъ театрѣ того времени, статья о квакерѣ Кульманѣ, сожженномъ на кострѣ за религіозную пропаганду квакерскихъ идей въ нѣмецкой слободѣ и, наконецъ, статья о еретикѣ Тверитиновѣ и его ученикахъ. Дѣло Тверитинова представляетъ особенный интересъ. Въ немъ очень ярко отразилась борьба самыхъ разнообразныхъ теченій, господствовавшихъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, и, кромѣ того, обнаружилось не мало крайне интересныхъ бытовыхъ подробностей.

Дмитрій Тверитиновъ прибылъ въ Москву изъ Твери около 1692 года, вмѣстѣ со своими братьями «въ самой мизирности» и поступилъ на службу къ иноземцамъ «разныхъ религій», сталъ «искать науки у дохтуровъ и лекарей». Одаренный отъ природы яснымъ умомъ и живою воспріимчивостью, Дмитрій Тверитиновъ не довольствовался чисто практическими свѣдѣніями о составленіи лекарствъ и о цирульномъ мастерствѣ, которыми довольствовались его братья. Бесѣды съ иноземцами вызвали въ немъ цѣлый міръ новыхъ понятій, пробудилъ цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ. Подобно иноземцамъ, Тверитиновъ, говоря словами послѣдняго русскаго патріарха, сталъ задавать себѣ и другимъ вопросы: «чего ради сіе и на что оно». Очень скоро онъ научился латинскому языку и принялся за чтеніе Библіи. Результатомъ такого чтенія явился цѣлый рядъ выписокъ изъ священнаго писанія, касавшихся почитанія иконъ, мощей, призванія святыхъ, почитанія чудесъ, значенія постовъ, преданій и творенія отцовъ церкви, незаконности проклятій и преслѣдованій еретиковъ и т. д. Выбравъ объ этомъ около пятисотъ текстовъ изъ Библіи, Тверитиновъ распредѣлилъ ихъ по однородности содержанія на нѣсколько группъ. Судя по группировкѣ и текстамъ, Тверитиновъ усвоилъ себѣ многое отъ лютеранъ, хотя его убѣжденія не могли быть названы вполнѣ лютеранскими и во многомъ напоминали ученіе стригольниковъ и жидовствующихъ. Перечитывая эти выписки, мы видимъ, что Тверитиновъ обсуждалъ не только вопросы религіи. По нимъ мы знакомимся съ человѣкомъ, глубоко возмущеннымъ нравственнымъ уровнемъ современнаго ему общества, его суевѣріемъ, тіозными формализмомъ и невѣжествомъ ловѣкомъ, который желаетъ выхода къ требуетъ новыхъ наставниковъ. Увлеченіе тинова, тѣ оригинальные крайніе выводы торыхъ онъ иногда доходилъ, имѣли источникомъ протестъ его русской стари бенно въ дѣлахъ вѣры и церкви. Мучимый рода вопросами, Тверитиновъ искалъ разрѣшенія ихъ не только у нѣмцевъ, но также и славныхъ, «препиралъ философовъ и бого въ словено-латинскихъ школахъ и пріобрѣталъ ихъ въ свою прелесть». Дѣйствительно, префектъ Стефанъ Прибыловичъ, «утверждавшій» догматахъ православной церкви, кончилъ что оставилъ его, «поврежденный Тверитин Вліяніе «еретика» на людей простыхъ былъ болѣе неотразимымъ. Въ статьѣ Тихонравова ходимъ нѣсколько примѣровъ того, какъ новъ пропагандировалъ свои идеи въ ма дицинская практика, сближая его съ лич ныхъ сословій, открывала ему возможность самой широкой пропаганды и онъ не упускалъ чая посмѣяться надъ старыми русскими обычаями, если видѣлъ въ нихъ слѣды суевѣрія или невѣжества. Однажды, напримѣръ, къ нему обратился комисаръ Сергѣевъ за лекарствомъ противъ головной боли.

— У вашей милости есть изрядное лекарство, сказалъ ему Тверитиновъ.

— Какое?—спросилъ тотъ.

Тверитиновъ разсмѣялся и сказалъ: купить глазокъ или оба серебряные и отнести къ Пятницѣ Прощѣ, что на Москвѣ, на такой улицѣ, то глазки твои и здороры будутъ, ежели у вашей милости болятъ зубки, то извольте купить зубокъ серебряный Антипію Чудотворца. И «разсмѣявся зѣло Тверитиновъ даже поднялся на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ». Изъ споровъ Тверитиновъ выходилъ обыкновенно побѣдителемъ. Самые враги лекаря признавались, что онъ «имѣлъ въ нравіе уклонное, мягкое и весьма льстивое», что онъ «говорилъ очень вѣжливо, утѣшно, сладкимъ растворяя; приступаетъ и уступаетъ и мастеритъ, дабы тому, что съ кѣмъ-нибудь ритъ, пріятенъ былъ и таковымъ понравился, одаренъ, что едва равнаго ему обрѣсти можно». «...То-то бы патріархъ онъ былъ»,—восклицаетъ одинъ изъ почитателей Тверитинова, увлекшійся доводами и начитанностью Тверитинова. Ничего не удивительно поэтому, что у этого остроумнаго вольнодумца нашлось не мало последователей, которые, не признавая иконъ, замѣнили ихъ текстомъ первой и второй заповѣдей, открыто высказывали всякаго рода «хулы» на православные обычаи и обрядность. Одинъ изъ такихъ послѣдователей Михайло Косой, если